

*А.В. Павроз,
старший преподаватель Санкт-Петербургского
государственного университета,
кандидат политических наук*

СУЩНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА

*Ключевые понятия: политико-экономические отношения,
перераспределение, права собственности, нерыночная
конкуренция, лоббизм.*

Социальный прогресс любого общества в значительной степени определяется эффективностью экономической деятельности, которая, в свою очередь, представляет собой не столько изначально присущее свойство некоторых культур, сколько является следствием функционирования рационально устроенных политико-экономических институтов. Обращаясь в этой связи к анализу современных российских реалий необходимо признать, что подавляющее большинство имеющихся социально-экономических проблем обусловлено специфической моделью взаимодействия бизнеса и государства, созданной на переплетении экономической и политической сфер жизни общества. Подобные деструктивные формы капитализма хорошо известны («капитализм для своих», «восточный капитализм» и т.д.). Они характерны для многих стран третьего мира и справедливо считаются серьезнейшим тормозом социально-экономического развития [1].

Причиной появления такой модели политико-экономических отношений в России стали особенности проведения экономических реформ. Несмотря на провозглашение рыночных принципов, данные реформы, в силу многочисленных злоупотреблений при их осуществлении («номенклатурная приватизация» и пр.), привели к формированию системы отношений между бизнесом и государством, основывающейся на неразделенности экономической и политической власти, и перманентной конверсии власти в собственность и собственности во власть. В этих условиях дружественные отношения с правительством превратились в ключевой фактор успешной экономической деятельности. Соответственно, увеличилась и конкуренция бизнес структур за привилегированные отношения с государством, выражающаяся в приумножении как расходов на лоббирование (в том числе и теневое – коррупцию), так и отчислений на инициированные властью проекты. Таким образом, мы

получили классическую, описанную М. Олсоном, негативную парадигму общественно-политического развития: все больше ресурсов отвлекается от производственной деятельности и направляется на борьбу за приобретение ренты, уменьшая производительный потенциал общества. Прогрессирующее же расширение санкционированных государством рентных бенефиций (всевозможных привилегий, монополий и пр.) сокращает рыночную конкуренцию и делает экономику еще менее эффективной [2].

Первопричина данной проблемной ситуации заключается в отсутствии надежной системы поддержки установленных правил игры в экономике, и, прежде всего, соблюдения прав собственности. Следует сказать, что современная наука дает четкое определение прав собственности и, в более общем плане, эффективных институциональных ограничений (правовая система, суды и пр.) в качестве стержневой предпосылки достижения предельно оптимальной аллокации ресурсов [3]. Негативные последствия слабой институционализации экономики (рост транзакционных издержек, упадок деловой активности, сокращение инвестиций и т.д.) хорошо исследованы. Применительно к случаю России именно правовая неопределенность хозяйственной деятельности (несовершенные юридическая база и судебная система, произвол при применении законов, административные барьеры, коррупция и пр.) справедливо считается одним из главных тормозов экономического развития страны. Вместе с тем, несмотря на очевидность проблемы, мы до сих пор еще очень

далеки от ее разрешения. Понять, почему это так, можно лишь рассмотрев вопрос в социально-политическом контексте формирования капитализма в России.

На рубеже 90-х годов Россия, как и все другие страны, осуществлявшие переход от плановой модели экономики к рынку, столкнулась с необходимостью полного обновления регулирующих экономическую деятельность правовых норм, так как старые нормы, работавшие в плановой системе, категорически не подходили для новой рыночной модели экономики. При этом сложность вопроса состояла отнюдь не столько в технической проблеме отмены старых и разработки новых норм, сколько в том, что сложившийся расклад социально-политических сил препятствовал созданию эффективной правовой системы. Так, при олигархическом капитализме 90-х годов доминировавшие в экономике крупные бизнес-структуры не были заинтересованы в утверждении универсальных правил игры, поскольку в условиях институциональной неопределенности данные структуры могли более эффективно решать свои проблемы, пользуясь элементарным ресурсным доминированием. Например, вопросы безопасности и защиты прав собственности регулировались не через обращения в правоохранительные органы или суд, а путем создания индивидуальных охранных структур (корпоративных армий), вопросы административных барьеров – подкупом бюрократического аппарата и т.д. Более того, в данных условиях, переводя экономические ресурсы в политическое влияние, олигархи получали возмож-

ность манипулировать государственными институтами с целью перераспределения доходов и собственности в свою пользу, начиная от санкционированного публичными органами захвата имущества «неэффективных» владельцев и заканчивая мягким присвоением ренты через искусственно созданные государством монопольные условия ведения бизнеса и прочие преференции. Разумеется, что в подобных обстоятельствах утверждение универсальных правил игры существенно сократило бы экономические и политические возможности олигархов, чем и объясняется их жесткое и результативное (в силу преобладания ресурсов) блокирование процессов построения эффективной правовой системы.

Реформы начала 2000-х годов, диаметрально перевернув ситуацию, не изменили ее по существу. В новых реалиях, после подчинения бизнеса государству, уже представители власти оказались незаинтересованными в верховенстве права, так как устранение институциональной неопределенности лишило бы их механизмов неформального контроля над экономикой и возможностей перераспределения ресурсов в свою пользу. Большинство же субъектов крупного бизнеса (и бывшие олигархи, и госкомпании) по-прежнему не были мотивированы к установлению единых правил игры (подразумевающих, в том числе, и честную конкуренцию, способную разрушить их бизнес), а скорее стремились к сохранению и приумножению своих рентных бенефиций, но уже не через манипулирование властными институтами, а в рамках взаимодействия с ними.

Таким образом, в России сформировалась отличающаяся отсутствием универсальных институциональных норм модель отношений государства и бизнеса, в рамках которой находящиеся в условиях жестокой нерыночной конкуренции экономические агенты постоянно апеллируют к государству, добываясь дополнительных привилегий, подтверждая имеющиеся права собственности, разрешая многочисленные административные коллизии и т.д. Подобное положение порождает поведение, соответствующее хорошо известной в теории игр «дилемме заключенного» (некооперативная игра, в которой игроки стремятся получить выгоду, сотрудничая друг с другом или предавая), устанавливающей такие параметры социальных отношений, при которых рациональные действия отдельных акторов приводят к общему проигрышу всех участников процесса [4].

Реалии современной России демонстрируют множество типовых ситуаций, аналогичных «дилемме заключенного»: решая свои проблемы и добываясь конкурентных преимуществ с помощью лоббистских и коррупционных механизмов, представители бизнеса разлагают чиновничество, а впоследствии терпят огромные издержки из-за неэффективности публичных институтов; расширяя свой лоббистский и коррупционный потенциал, бизнес-структуры очень часто получают лишь чистые затраты, так как в условиях, когда все участники рынка придерживаются той же стратегии, общий баланс сил не меняется, а положение всех компаний ухудшается и т.д. Но даже в случае, когда приобретения в резуль-

тате борьбы на административном рынке значительно превышают долю общих издержек, в отсутствие институциональных условий для закрепления выигрыша (надежных прав собственности и др.), сегодняшний победитель на следующем этапе «игры» очень легко может стать проигравшим, о чем, в частности, красноречиво свидетельствуют истории некоторых наших олигархов, лишившихся не только состояний, но и свободы...

Подобное положение порождает бесконечное внерыночное перераспределение ресурсов, создавая серьезные препятствия для стабильного ведения бизнеса и ухудшая деловой климат в России. Большой объем сил и средств выводится при этом из производительной деятельности и направляется на обеспечение перераспределительной активности (лоббирование, коррупция, функционирование частных охранных структур и т.д.) как в форме «нападения» на конкурентов, так и в виде защиты своего бизнеса и ресурсов. Причем индивидуальный отказ отдельных экономических агентов от использования этих стратегий в реальности проблематичен, так как подобное поведение равносильно одностороннему разрушению. Коллективные же действия российского предпринимательского сообщества по изменению возникшей модели отношений в силу отсутствия внутрикорпоративного доверия и координационных сложностей труднодостижимы.

Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время в российском бизнес-сообществе, особенно в его неолитархических и относительно слабо связанных с государством частях, зреет понимание не-

адекватности сложившейся системы политико-экономических отношений и формируется потребность в построении цивилизованной модели взаимодействия как внутри предпринимательского класса, так и между представителями бизнеса и государством. Прекрасным примером подобного осознания проблемы и частной инициативы по ее решению является доклад Комитета по этике Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) в августе 2003 года. В нем указывалось, что так как суды в стране не принимают независимых решений, а находятся под влиянием власти и «проплачивающих» нужный приговор бизнесменов, членам РСПП надлежит договориться о том, что в случае возникновения разногласий между ними, они будут разрешать спор не в суде, а с помощью независимых арбитров из заранее согласованного списка в рамках данного профессионального союза [5].

Такая инициатива, безусловно, очень показательна, но нужно сказать, что далеко не все в рассматриваемой нами проблематике зависит от позиции бизнеса. Большинство сложных вопросов напрямую касается государства, причем связаны они не только с желанием или с нежеланием власти предпринимать те или иные шаги, но и, порой, с её неспособностью претворять в жизнь свои собственные решения. Например, существует такая проблема, как легитимация прав собственности после не вполне честно проведенной приватизации 90-х годов XX века. Технически подобные вопросы можно решить, например, введением единовременного налога на непредвиденные доходы, по-

лученные рядом приватизированных компаний в течение нескольких лет с момента их продажи. Но и в этом случае нужна четкая воля государства. Однако если оно не сможет гарантировать свои решения и установить долговременные правила игры, подобный налог не даст никакого результата в решении проблемы легитимации собственности.

К.Н. Сонин следующим образом описал данную проблему: «Не исключено, что многие богатые люди в России – победители приватизационной и перераспределительной гонки последнего десятилетия – согласились бы заплатить значительную долю своего богатства за гарантии сохранения остальной части. К сожалению, такие гарантии не получить. Нет такого суда, который обеспечил бы исполнение контракта между бизнесменом и политиком не говоря уже о контракте между бизнесом и государством. Например, парламент может принять конституционный закон: если олигарх сейчас отдаст три миллиарда долларов, то больше к нему никогда не будет вопросов, связанных с приватизацией. Однако ничто не мешает парламенту завтра принять другой закон: нет, нужно доплатить еще. При этом положение олигар-

ха, которому предъявят новые требования, будет хуже прежнего: ведь у него теперь на три миллиарда долларов меньше (и значит, меньше адвокатов, телохранителей, дружественных журналистов и чиновников)» [6]. Естественно, что подобная политика не может решить какие-либо проблемы и каким бы то ни было образом способствовать построению в России цивилизованной модели капитализма.

В заключение статьи, необходимо подчеркнуть, что задача преодоления сложившейся неконструктивной практики отношений власти и бизнеса в России состоит не столько в принятии отдельных мер (приватизационный налог, судебная реформа и пр.), сколько в укреплении государства, эффективном разделении сфер экономики и политики, четком правовом закреплении основных рыночных институтов и, прежде всего, незыблемой гарантии прав собственности. Подобная политика, утверждающая универсальные правила игры и устанавливающая честную рыночную конкуренцию, способна искоренить отмеченные проблемы и заложить прочные основы для развития цивилизованного капитализма и социального государства в России.

1. Crouch C. *Capitalist Diversity and Change: Recombinant Governance and Institutional Entrepreneurs*. Oxford : Oxford University Press, 2005; *Crony Capitalism and Economic Growth in Latin America: Theory and Evidence*. Ed. by S. Haber. Stanford : Hoover Institution Press, 2002; Kang D. *Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
2. Олсон, М. *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз* / М. Олсон. – Новосибирск : ЭКОР, 1998.
3. Коуз, Р. *Фирма, рынок и право* / Р. Коуз. – М. : Новое издательство, 2007.
4. Рапопорт, А. *Дилемма заключенного. Экономическая теория А. Рапопорт ; под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена*. – М. : ИНФРА-М, 2004. – С. 707–713.
5. Goldman, M. *Political Graft : The Russian Way* / M. Goldman // N. Y. : *Current History*, 2005. – Vol. 104. – № 684. – October. – P. 314–315.
6. Сонин, К.Н. *Бесконечный передел* / К.Н. Сонин // *Россия в глобальной политике*. – 2003. – № 4. – С. 27.